

21. Obzor Ufimskoj gubernii za 1871 g. - Ufa: Gub. Elektr. tip., 1872.
22. Obzor Kurskoj gubernii za 1871 g. - Kursk: Tip.-lit. gub. pravleniya, 1872.
23. Obzor Ufimskoj gubernii za 1875 g. - Ufa: Gub. Elektr. tip., 1876.
24. Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj Imperii. Sobranie Vtoroe. Tom LIV. Otdelenie 1. 1879 – 18.02.1880 gg. - SPb.: Izd-vo Tip. II Otdeleniya Sobstvennoj Ego Imperatorskogo Velichestva Kancelyarii, 1881.
25. Obzor Kurskoj gubernii za 1884 g. - Kursk: Gub. Tip., 1885.
26. Obzor Kurskoj gubernii za 1885 god. - Kursk: Gub. tip., 1886.
27. Obzor Ufimskoj gubernii za 1885 god. - Ufa: Gub. Elektr. tip., 1886.
28. Smeta i raskladka gubernskogo zemskogo sbora Ufimskoj gubernii na 1889 g. - Ufa: Pech. N. Blohina, 1889.
29. Obzor Ufimskoj gubernii za 1889 g. - Ufa: Gub. Elektr. tip., 1890.
30. Vypiska postanovlenij Ufimskogo uездного i gubernskogo zemskih sobranij, sohranivshih obyazatel'nyuyu silu dlya uездной земской управы k 1891 g. - Ufa: Tip.-lit. N.A. Bezborodovoj, 1891.
31. Obzor Kurskoj gubernii za 1889 g. - Kursk: Gub. Tip., 1890.
32. Zhurnaly zasedanij XXXVIII ocherednogo Kurskogo uездного zemskogo sobraniya. 1897 g. - Kursk: Tip. Gub. Zemstva, 1898.
33. Obzor Kurskoj gubernii za 1899 g. - Kursk: Gub. Tip., 1900. - 112 s.
34. Obzor Ufimskoj gubernii za 1899 g. - Ufa: Gub. Elektr. tip., 1900.
35. Obzor Kurskoj gubernii za 1909 g. - Kursk: Gub. Tip., 1910.
36. Zhurnaly Ufimskogo Gubernskogo Zemskogo sobraniya 42 chrezvychajnoj sessii. – Ufa: Par. Tipo-lit. Torgovogo doma L.E. Milyukov i I.A. Medvedev, 1909.
37. Obzor Ufimskoj gubernii za 1909 g. - Ufa: Gub. elektr. tip., 1910.
38. Kravcova E.S. Osvobozhdennye ot prizyva oblagalis' pryamym nalogom // Voенно-istoricheskij zhurnal. - 2008. - № 2. - S. 64-66.
39. Zhurnal Ufimskogo Gubernskogo zemskogo sobraniya. 10 avgusta 1914 g. - Ufa: elekt. Tip. T-va «Pechat'», 1914.

АЛЕШИН ПАВЕЛ НИКОЛАЕВИЧ – кандидат исторических наук, доцент Стерлитамакского филиала Башкирского государственного университета (p.n.aleshin@gmail.com)

ALEKSHIN, PAVEL N. – Ph.D. in History, Associate Professor, Sterlitamak branch of Bashkir State University.

УДК 93 (510+47)«186/191»:338.433

ХРИСТОЛЮБОВА Ю.С. К ВОПРОСУ О СУЩЕСТВОВАНИИ РУССКИХ ЧАЙНЫХ ПЛАНТАЦИЙ НА ТЕРРИТОРИИ КИТАЯ 1860-1920 ГГ.

Ключевые слова: Ханькоу, Китай, чайные плантации, чайная торговля, русские купцы.

Статья посвящена рассмотрению спорного утверждения о существовании чайных плантаций у российских купцов на территории Китая, встречающегося в отечественной научной литературе. После заключения Пекинского договора 1860 г. русские купцы активизируют ведение коммерческой деятельности в разных областях Поднебесной. Их успехи в чайной торговле, устройство вблизи Ханькоу и Фучао собственных заводов по производству чайных кирпичей, привели к появлению мифа о существовании российских чайных плантаций в Китае. Подобные утверждения преувеличивают уровень экономической свободы, которой могли пользоваться иностранцы в Китае, искажают степень влияния европейских стран на внутреннюю экономическую политику страны. Информация о «русских чайных плантациях» не находит подтверждения ни в архивных материалах, ни в рукописях современников - очевидцев событий. Более того, популярность данного слуха уже в конце XIX в. приводит к намеренному опровержению в некоторых источниках информации тезиса о наличии чайных плантаций в собственности россиян. Для научной проверки данного сомнительного утверждения в статье рассматриваются факты, на основании которых можно однозначно сделать вывод, что чайных плантаций в собственности российской диаспоры в Китае не имелось.

KHRISTOLYUBOVA, Yu.S.

**TO THE QUESTION OF THE EXISTENCE OF RUSSIAN TEA PLANTS IN THE TERRITORY OF CHINA
1860-1920**

Keywords: Hankow, China, tea plantations, tea trade, Russian merchants.

The article is devoted to the consideration of a controversial statement in the domestic scientific literature about the existence of tea plantations among Russian merchants in China. After the conclusion of the Beijing Treaty of 1860, Russian merchants begin to conduct commercial activities in various areas of the Middle Kingdom. Their success in the tea trade, the device own tea brick factories near Hankow and Fuchao, led to the myth of the existence of Russian tea plantations in China. Such allegations exaggerate the level of economic freedom that foreigners in China could use, and distort the degree of influence of European countries on the country's domestic economic policy. Information about the "Russian tea plantations" is not confirmed either in the archival materials or in the manuscripts of contemporaries, eyewitnesses of the events. Moreover, the popularity of this rumor at the end of the XIX century leads to a deliberate refutation in some sources of information about the presence of tea plantations owned by Russians. To scientifically verify this dubious statement, the article discusses the facts on the basis of which it can be concluded unambiguously that tea plantations owned by the Russian diasspora in China were not.

Чайная торговля в XIX в. являлась одной из самых прибыльных отраслей российско-азиатского экономического сотрудничества. С подписанием в 1860 г. Пекинского договора, русские предприниматели развернули активную деятельность внутри Китая, основывая там чайные фирмы и собственное чайное производство. Их деятельность, в некоторой мере, стала локомотивом дальнейшего развития русского предпринимательства на Востоке, стимулируя создание восточного направления российского пароходства, развитие железнодорожного сообщения [1, с. 146], напрямую влияя на расширение российских колоний и усиление политического и экономического влияния Российской империи в Поднебесной [2, с. 39].

В обороте товаров чай всегда занимал важное положение, поэтому при рассмотрении истории русско-китайских отношений XIX – первой половины XX вв. часто фигурируют чайная торговля и г. Ханькоу, - как один из центральных рынков его закупок и производства, место начала нового «чайного пути». Во многих материалах русских исследователей, в связке с чайными заводами российских купцов, упоминаются и так называемые «русские чайные плантации». Их существование рассматривается как факт, не требующий доказательств. Это заблуждение уже в течение 150 лет постоянно появляется в научных книгах и статьях.

Достоверность организации в Китае собственных предприятий по производству чайных кирпичей и небольшого количества рассыпного чая подтверждается большим количеством архивных материалов, а также статьями и книгами участников событий. Но о чайных плантациях в собственности россиян в Китае не находится ни надежных сведений, ни статистики. Можно предположить, что исследователи используют «чайные плантации» как синонимы «чайных заводов», но такое употребление крайне некорректно, так как подразумевает разные виды деятельности и одно не вытекает из другого.

Эта небольшая, первый взгляд, ошибка неверно передает уровень экономической и политической свободы, которой пользовались европейские государства и их представители в Китае, не дает полноценно оценить степень сопротивления, которое оказывали рядовые китайцы западным колонизаторам, при любой возможности навязывая свои правила поведения и торговли внутри страны, не гнушаясь методами натурального саботажа и прямой агрессии. Главная проблема, возникающая из данной путаницы, состоит в том, что если предположить, что русские купцы с легкостью могли приобрести плантации в Китае, т.е. взять в собственность или пользование землю и вести на ней десятилетиями хозяйственную деятельность, то представляется совершенно иная картина экономического и политического влияния Российской империи в Китае во второй половине XIX в. А в контексте соперничества европейских стран, роль Российской империи на Востоке преувеличивается, что, в свою очередь, приводит к искаженному восприятию российско-китайской истории и последовательности развития взаимоотношений двух держав. Безусловно, российские купцы вели достаточно активную коммерческую деятельность на территории Китая и достигли больших успехов в своей работе, но гордость за их деятельность должна основываться на реальных достижениях, без искусственных преувеличений.

До сегодняшнего дня утверждения о «русских плантациях» в Китае не проверялись на достоверность с научной точки зрения. Поэтому в представленном исследовании, для восстановления исторической справедливости, собраны факты, опровергающие данное заблуждение. Рассмотрим информацию «Русского биографического словаря» 1910 г. [3], данные которого активно используются до сих пор и находят отражение в современных материалах. Так, в биографии чаепромышленника и вице-консула Ханькоу П.А. Пономарева имеется следующая запись: «Русские купцы незадолго перед тем получили право въезда в Китай, и вышеупомянутая фирма была первой, заведшей в Китае чайные плантации» [3, с. 502-503]. При этом уже в 1871 г. П.А. Пономарев лично выступил на заседании отдела в «Русском географическом обществе». В отчете Общества зафиксировано: «Отделение статистики посвятило в минувшем году одно заседание вопросу о нашей чайной торговле с Китаем. Заседание это происходило по поводу приезда в С.-Петербург иркутского купца П.А.

Пономарева, бывшего одним из первых Русских, успевших завести чайные фабрики внутри Китая, близ Хань-коу» [4, с. 71]. Как мы видим, Пономарев не представлялся владельцем чайных плантаций, да и в последующие годы ими не обзавелся. В составленном им в 1884 г. духовном завещании он сделал четкие указания, как следует распорядиться его имуществом, причем из недвижимости в Китае упоминались только «чайные фабрики, с находящимися под ними местами земли» [5, с. 23].

Другой пример касается купца К.А. Попова, который в основном занимался продажей готового чая в России. В том же «Русском биографическом словаре» 1910 г. представлена такая информация о нем: «Известность торгового дома П. росла, а еще более утвердилась со времени Московской выставки 1865 г., на которую были представлены чаи собственных плантаций П.» [3, с. 549-550]. Однако, в книге самого К.А. Попова «О чае и его приготовлении русскими в Китае» (1870 г.) эти данные не подтверждаются. В издании излагается общая информация о чае, история возникновения российского производства, подробности аренды китайских фабрик и статистика поставок в Россию, но нет ни слова о собственных (или арендуемых) плантациях. В частности, переходя в своем описании с выращивания, сбора и первичной обработки чая к его производству, Попов пишет: «Затем, приготовленный таким образом чай несут продавать на фабрику. Приготовленный поселянами чай на фабрике подвергают опять просушиванию и подогреванию...» [6, с. 16]. То есть, автор разделяет процесс выращивания чая и его дальнейшую обработку для продажи, так как в китайском обычае эти процессы были поделены между фермерами и производителями конечной продукции. Это подтверждается и словами профессора В.А. Тихомирова [7, с. 22], издавшего книгу о чае после экспедиции в Китай: «Приготовленные так мелкими собственниками небольшие партии чая продаются особыми скупщиками чайным фабрикантам на их заводы, куда товар приносится на руках носильщиков». К слову сказать, К.А. Попов действительно предпринял в 1890-х гг. неудачную попытку стать владельцем чайных плантаций, но только не в Китае, а в российском Закавказье [8, с. 47].

Приведенные примеры отражают смешение в умах российской общественности XIX в. понятий «чайная фабрика» и «чайная плантация», которые использовались в прессе и вошли в повседневный обиход.

Непосредственный контакт россиян с плантациями происходил при закупке сырья у китайских крестьян (после его первичной обработки, необходимой для транспортировки) [9, л.л. 56-57]. Также вблизи этих плантаций россияне находились при прессовке чайного кирпича на фабриках. Таким образом, действительно, можно говорить, что русские купцы бывали на плантациях, но это не значит (и нет никаких доказательств), что они ими владели.

Прежде чем развеять миф об иностранных чайных плантациях в Китае, стоит упомянуть зафиксированный факт такой попытки, показывающий невозможность и бесперспективность данной практики. В 1900 г. управляющий консульством в Фучжоу (провинция Фуцзянь) П.Г. Тидеман отправил короткое консульское донесение о закрытии «Фучжоуского общества улучшения чая» ("Fooshou Tea Improvement Company"). Судя по всему, эта компания была образована британцами или американцами на базе успешного развития чаепромышленности в Индии и опытов машинной обработки чая. В 1897 г. было собрано около 70 000 долларов, которые пошли на постройку фабрики, закупки оборудования, что положило начало образцовым чайным плантациям. Плантации были засажены частично индийским, частично местным китайским кустом; также чайный лист закупался у соседних китайских фермеров. В первый год производства качество готового продукта оказалось весьма неплохим, но иностранцам не удалось запустить полноценную работу фабрики. Во-первых, выяснилось, что место для предприятия выбрано неудачно, и чайного листа для бесперебойной работы в округе недостаточно. Во-вторых, китайские предприниматели были настроены крайне враждебно по отношению к иностранным производителям, и скупали все местное сырье на корню. В-третьих, в решении возникающих проблем районные власти не оказывали иностранцам никакой помощи. За два неполных сезона фабрика понесла значительные финансовые потери,

была оценена как бесперспективная и закрыта. При распродаже имущества упоминались «несколько акров чайных плантаций» [10, с. 286-289].

В обзорах же о деятельности русских фабрик в Китае, при упоминании фактов открытия предприятий, их функционирования и ликвидаций, подобной информации о плантациях не встречается. Наоборот, рассматриваются исключительно вопросы ценообразования закупок чайного листа из рук китайцев. Кроме того, из данных материалов становится очевидным, что и местное население, и предприниматели, и власти были одинаково негативно настроены против иностранного комплексного подхода к чаеоторговле, вследствие которого могли пострадать туземные фуцзяньские производители чая.

При упоминании «собственных русских плантаций» в Китае, авторы обычно пренебрегают ссылками на материалы. И все же, в одном источнике была обнаружена ссылка на доклад, опубликованный в сборнике консульских донесений 1908 г. [11, с. 27-34]. В обзоре по торговле в Фучжоу консула Н.А. Шуйского имеется упоминание о кризисе чайной торговли в Китае и плантациях. Им посвящен лишь один абзац, в частности, там есть слова: «Общее уменьшение вывоза чая повлекло за собой сокращение площади чайных плантаций, которые при нынешних низких ценах на чай едва окупают, да и то не всегда, расходы по их эксплуатации. На просторах нашей десятины размещается от 4 до 5 тысяч кустов» [11, с. 26]. Скорей всего, именно употребленные консулом слова «наша десятина», могли ввести в заблуждение автора статьи. Но в данном случае выражение обозначает не принадлежность россиянам десятины, а имеет значение русской меры площади – «наша, (т.е. русская) десятина». Так как о каких-либо плантациях в собственности русских в статье не упоминается.

В книге «Чай и чайная торговля в России и других государствах: производство, потребление и распределение чая» (1892 г.), до сих пор представляющей исторический интерес по теме, автор А.П. Субботин пишет: «Русские фирмы первыми вошли в непосредственные сношения с производителями и завели даже свои плантации и вообще осели прочнее других наций» [12, с. 479]. Но хотя книга наполнена различной статистической информацией, в том числе по российским торговым домам и фабрикам, про мифические «русские плантации» нет никаких данных: ни по площадям, ни по арендным ставкам, ни по сбору листа. В тоже время автор делает акцент на ключевом факте, повлиявшем на возникновение русского производства. Для изготовления кирпичного чая на русских фабриках в Китае использовался сорт хуасян [13, с.18] – чайные высебки байхового чая, которые стоят гораздо дешевле цельного листа. При провозе через границу в рассыпном виде он подпадает под те же высокие пошлины, что и рассыпной чай, а в спрессованном виде, в форме чайных кирпичей провозится по более низким тарифам. Именно поэтому русские купцы стали заниматься его прессовкой и постепенно сделали чайные кирпичи одним из важнейших товаров импорта из Китая [12, с. 481].

Есть упоминания, что русские купцы и сами изготавливали рассыпной чай [13, с.112-114], но мало и не очень высокого качества, а хорошие сорта закупали у китайцев. Это абсолютно логично, так как изготовление высокосортного чая – особое ремесло, которое требует специфических знаний, умений и долгой практики. А так нужный для русского производства хуасян составлял всего 10-12% от урожая. Для прессовки кирпичей требовалось с каждым годом все больше дешевого хуасяна [14, с.578-579], но его и так поставляли в Ханькоу со всего Китая именно под русское производство [13, с.18]. Поэтому, даже не рассматривая сложностей с арендой иностранцами земли в Китае и непосредственного выращивания чайных кустов, становится очевидным, что с точки зрения целесообразности у русских фирм не было необходимости в собственных чайных плантациях.

Возникает вопрос, можно ли найти надежные источники информации о «собственных русских плантациях», если они упоминаются даже в книге Субботина? Имеются в виду данные архивов или воспоминания очевидцев. Отметим, что при работе с регулярными ежегодными отчетами о ведении чайной деятельности в Китае с 1886 по 1895 гг. данных о «русских плантациях» не встречается, хотя подробно рассматриваются сложности с закупками рассыпного чая и хуасяна, особенности ведения дела и статистики производства [9].

ИСТОРИЯ

В 1895 г. Главным управлением уделов Министерства Императорского двора для поиска сельскохозяйственных культур для посадки в Закавказье была отправлена экспедиция на Восток. Группа исследователей состояла из агрономов, в обязанности которых входило изучение теплолюбивых растений, традиционных для Востока, особенностей их выращивания, а также приобретение необходимых семян и саженцев. Были изучены сельскохозяйственные культуры Египта, Индии, Цейлона, Китая и Японии. Для начала культивации чая в российском Батуми, который был признан годным для закладки чайных плантаций, члены экспедиции посетили г. Ханькоу с целью изучения чайного производства и особенностей возделывания плантаций. Местные россияне-чаепроизводители охотно делились накопленными знаниями о посадках чая, особенностях его обработки и зависимости качества продукта от условий произрастания. Подробно был изучен сбор чая на плантациях. Для более глубокого знакомства с сельскохозяйственными методами китайских чайных фермеров, член экспедиции Г.Г. Снежков остался в Китае на год. Полученный опыт действительно был позднее применен в России, и все закавказское чайное хозяйство основывалось на китайских традициях. По итогам экспедиции, ее руководитель И.Н. Клинген выпустил трехтомник «...Среди патриархов земледелия народов Ближнего и Дальнего Востока», где описал путешествие и полученные знания [15, с. 49-73]. Но даже в этой книге, при столь узкоспециализированном подходе к изучению чайного дела, нет никакого упоминания о чайных плантациях, принадлежащих русским купцам.

Поскольку отсутствие упоминаний не может надежно свидетельствовать об отсутствии плантаций, для нашей гипотезы наиболее важны опровержения, которые были специально сделаны для российской общественности. Рассмотрим лишь некоторые из них.

В 1880 г. в Санкт-Петербурге увидела свет книга П.Я. Пясецкого об экспедиции в Китай в 1874-1875 гг. Ко времени этой экспедиции, Ханькоу уже представлял собой особый интерес для русских людей, как оплот российской чаеоторговли. Пясецкий провел в городе два месяца, с интересом изучая деятельность купцов, устройство их фабрик, жизненный уклад и взаимоотношения с китайцами. В книге в подробностях переданы увиденные им сцены из жизни наших чаепромышленников. Пясецкий местных россиян представляет публике такими словами: «Колония эта обязана своим существованием чайной торговле. Названные дома занимаются комиссионным делом, т.е. покупкой чая здесь, по заказам наших крупных чаеоторговцев, и отправкой его в Россию. Никаких же "собственных чайных плантаций" в Китае у русских, как и у других иностранцев, нет, и в них надо перестать верить, чтобы не гласили надписи на обертках, в которых продается чай в розничной продаже: весь он покупается у китайцев и через китайцев, а здешние русские только служат посредниками между туземцами и коммерсантами, живущими в России. Последние присылают ежегодно требования в тот или другой дом на известное количество ящиков чаю и ждут, пока их получают. Сами же русские, живущие здесь, готовят только кирпичный чай на собственных или арендуемых китайцами фабриках» [16, с. 289-290].

В ежегоднике «Департамента земледелия» за 1915 г. представлена обширная информация о чае. Описан подробно вид растения, особенности сбора, производство. В экономическом плане, показана структура закупок чая для Российской империи, сделан обзор мировых чайных рынков, проанализировано развитие собственного производства в Закавказье. В том числе, в обзоре обсуждается деятельность россиян в Ханькоу, где отмечается, что «русские чайные фирмы не имеют своих плантаций, а только конторы и чайно-прессовочные фабрики» [17, с. 227]. В списке использованных книг для этого материала числятся порядка 15 самых значительных русских изданий о чае. В том числе, есть ссылка на авторитетную для того времени книгу М.Е. Синюкова «Чай и наша чайная проблема» о чайных пошлинах в Российской империи, где дословно написано следующее: «У нас нередко можно встретить рекламы вроде "Императорских садов", "собственных плантаций", "настоящий кяхтинский" или "кахтинский красненький". Это все неверно. За границей нет императорских чайных садов, которые выступали бы на рынок со своими чаями. Нигде за границей нет также чайных плантаций, принадлежащих русским. Наши крупные чаеоторговцы

– лишь скупщики готового продукта, приобретаемого ими на главных чайных рынках: в Ханькоу, в Коломбо (Цейлон), в Калькутте и Лондоне» [18, с. 7].

К вышеизложенному материалу можно прибавить, что даже владение чайными фабриками давалось россиянам с трудом. Несмотря на легитимность ведения бизнеса, подтвержденную в различных международных договорах, в разные периоды деятельности у них возникали стычки с местными китайцами [19, с.55-67] и проблемы с официальными представителями власти [13, с.16-22; 14, с.589-593]. Стабильность российского производства в Китае часто оказывалась под угрозой. Но учитывая, что русские изготавливали достаточно специфические чайные кирпичи, которые продавались только на российском рынке, и то, что объемы их производства в рамках всей торговли страны были небольшими, китайская администрация, пусть не благосклонно, но вполне терпимо относилась к этим чайным фабрикам. Российская община чаепромышленников до 1920-х гг. вынуждена была постоянно выбирать между финансовой выгодой и хорошими отношениями с китайской властью.

Рассматривая фактическую деятельность русских купцов по производству чая, мы приходим к выводу, что вся она строилась на идее целесообразности. Россиянам для внутреннего российского потребления было выгодно закупать китайское недорогое сырье из разных провинций, по-своему купажировать его, прессовать необходимые партии чая своими силами. Такая практика сильно уменьшала себестоимость чайных кирпичей, снижала конечную стоимость для потребителя, а их продажа приносила высокую прибыль. Поэтому устройство собственных фабрик становилось необходимым условием в конкурентной борьбе поставщиков-резидентов Китая. В этих условиях россиянам приобретать и владеть чайными плантациями необходимости не было.

На основании представленных фактов можно предположить, что в конце 1860-х – начале 1870-х гг. розничные чайные компании в России, на волне информации о чайных фабриках, для красного словца, начали печатать на упаковках слоганы о чае с «русских чайных плантаций». Общественность, не видя особой разницы между факториями, фабриками и плантациями, а может смешивая и подменяя эти понятия, приняла «собственные русские плантации» за действительность и мнение это укоренилось.

Таким образом, спустя почти 150 лет существования мифа, ввиду отсутствия соответствующей информации в российских архивах, неимения у авторов книг и статей статистики и фактов о плантациях, учитывая имеющиеся опровержения некоторых специалистов-современников, можно признать очевидное: чайных плантаций на территории Китая у русских не было и необходимо однозначно отказаться от такого понятия при изучении деятельности российских купцов в Китае.

Литература и источники

1. Хохлов А.Н. Торговля и предпринимательская деятельность россиян в Китае во второй половине XIX века // Российская история. - 2012. - № 3. - С. 144-152.
2. Дацышен В.Г. Чайная торговля в истории русско-китайских отношений (1861-1917 гг.) // Современная научная мысль. - 2018. - № 6. - С. 37-48.
3. Русский биографический словарь: Плавильщиков - Примо // Изд. под наблюдением председателя Императорского Русского Исторического Общества А. А. Половцова. - СПб.: Типография И.Н. Скороходова, 1910. Т.14. - 800 с.
4. Отчет Императорского Русского географического общества за 1871 год. - СПб. 1872.
5. Павел Андреевич Пономарев [1844-1883] и его благотворительные цели на нужды восточно-сибирской народной школы: Краткий биографический очерк. - СПб.: Типография С. Добродеева, 1894. - 52 с.
6. Попов К.А. О чае и его приготовлении русскими в Китае. - М: Типография И.Н. Кушнерева. 1870. - 36 с.
7. Тихомиров В.А. Чай: Производящее растение, сорта чая-товара, его производство, хим. состав, важнейшие подмеси, их распознавание; чай спитой. - М: Московский музей прикладных знаний, 1904. - 50 с.
8. Тихомиров В.А. Чай на Цейлоне, Яве, в Китае и Закавказии. - М: Печатня А.И. Снегиревой, 1913. - 48 с.
9. Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. 143 «Китайский стол». Оп. 491. Д. 396. 1886-1895 гг.
10. Сборник консульских донесений // М-во иностр. дел. - СПб.: Типография "Товарищество художественной печати", 1898-1910. Вып. 1-6. 1900. - 538 с.
11. Сборник консульских донесений // М-во иностр. дел. - СПб.: Типография "Товарищество художественной печати". 1898-1910. Вып. 1-2. 1908. - 401 с.
12. Субботин А.П. Чай и чайная торговля в России и других государств: производство, потребление и распределение чая. - СПб: А. Г. Кузнецов, 1892. - 706 с.
13. Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (ОР РГБ). Ф. 273 (Скачков). К. 13. 25 ед. хр.
14. ОР РГБ. Ф. 273 (Скачков). К. 14. 1 ед. хр.

15. Клинген И.Н. ...Среди патриархов земледелия народов Ближнего и Дальнего Востока: (Египет, Индия, Цейлон, Китай и Япония). - Ч.3. - СПб.: Типография Главного управления уделов, 1898-1899. - 180 с.
16. Пясецкий П.Я. Путешествие по Китаю в 1874-1875 гг. (через Сибирь, Монголию, Восточный, Средний и Северо-западный Китай): Из дневника члена экспедиции П.Я. Пясецкого. - Т.1. - СПб.: Типография М. Стасюлевича, 1880. - 592 с.
17. Россия. Департамент земледелия. Ежегодник Главного управления землеустройства и земледелия по Департаменту земледелия и Лесному департаменту // Г.У.З. и З. Департамент земледелия. 1915. Год 9-й. - СПб., 1916. - 608 с.
18. Сinyukov M.E. Чай и наша чайная проблема. - СПб.: Типография редакции периодических изданий Министерства финансов, 1915. - 56 с.
19. АВПРИ. Ф. 143 «Китайский стол». Оп. 491. Д. 384. 1883-1906 гг.

References and Sources

1. Hohlov A.N. Torgovlya i predprinimatel'skaya deyatel'nost' rossiyan v Kitae vo vtoroj polovine XIX veka // Rossijskaya istoriya. - 2012. - № 3. - S. 144-152.
2. Dacyshen V.G. CHajnaya torgovlya v istorii russko-kitajskih otnoshenij (1861-1917 gg.) // Sovremennaya nauchnaya mysl'. - 2018. - № 6. S.37-48.
3. Russkij biograficheskij slovar': Plavil'shchikov - Primo // Izd. pod nablyudeniem predsedatelya Imperatorskogo Russkogo Istoricheskogo Obshchestva A. A. Polovcova. - SPb.: Tipografiya I.N. Skorohodova, 1910. T.14. - 800 s.
4. Otchet Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva za 1871 god. - SPb. 1872.
5. Pavel Andreevich Ponomarev [1844-1883] i ego blagotvoritel'nye celi na nuzhdy vostochno-sibirskoj narodnoj shkoly: Kratkij biograficheskij ocherk. - SPb.: Tipografiya S. Dobrodeeva, 1894. - 52 s.
6. Popov K.A. O chae i ego prigotovlenii russkimi v Kitae. - M: Tipografiya I.N. Kushnereva. 1870. - 36 s.
7. Tihomirov V.A. CHaj: Proizvodyashchee rastenie, sorta chaya-tovara, ego proizvodstvo, him. sostav, vazhnejšie podmesi, ih raspoznavanie; chaj spitoj. -M: Moskovskij muzej prikladnyh znaniy, 1904. - 50 s.
8. Tihomirov V.A. CHaj na Cejlone, Yave, v Kitae i Zakavkazii. - M: Pечатnya A.I. Snegirevoj, 1913. - 48 s.
9. Arhiv vneshnej politiki Rossijskoj imperii (AVPRI). F. 143 «Kitajskij stol». Op. 491. D. 396. 1886-1895 gg.
10. Sbornik konsul'skih donesenij // M-vo inostr. del. - SPb.: Tipografiya "Tovarishchestvo hudozhestvennoj pečati", 1898-1910. Vyp. 1-6. 1900. - 538 s.
11. Sbornik konsul'skih donesenij// M-vo inostr. del. -SPb.: Tipografiya "Tovarishchestvo hudozhestvennoj pečati". 1898-1910. Vyp.1-2. 1908. 401 s
12. Subbotin A.P. CHaj i chajnaya torgovlya v Rossii i drugih gosudarstv: proizvodstvo, potreblenie i raspredelenie chaya. - SPb: A. G. Kuznecov, 1892. - 706 s.
13. Otdel rukopisej Rossijskoj gosudarstvennoj biblioteki (OR RGB). F. 273 (Skachkov). K. 13. 25 ed. hr.
14. OR RGB. F. 273 (Skachkov). K. 14. 1 ed. hr.
15. Klingen I.N. ...Sredi patriarhov zemledeliya narodov Blizhnego i Dal'nego Vostoka: (Egipet, Indiya, Cejlon, Kitaj i Yaponiya). - CH.3. - SPb.: Tipografiya Glavnogo upravleniya udelov, 1898-1899. - 180 s.
16. Pyaseckij P.YA. Puteshestvie po Kitayu v 1874-1875 gg. (cherez Sibir', Mongoliyu, Vostochnyj, Srednij i Severo-zapadnyj Kitaj): Iz dnevnika chlena ekspedicii P.YA. Pyaseckogo. - T.1. - SPb.: Tipografiya M. Stasyulevicha, 1880. - 592 s.
17. Rossiya. Departament zemledeliya. Ezhegodnik Glavnago upravleniya zemleustrojstva i zemledeliya po Departamentu zemledeliya i Lesnomu departamentu // G.U.Z. i Z. Departament zemledeliya. 1915. God 9-j. - SPb., 1916. - 608 s.
18. Sinyukov M.E. CHaj i nasha chajnaya problema. - SPb.: Tipografiya redakcii periodicheskikh izdanij Ministerstva finansov, 1915. - 56 s.
19. AVPRI. F. 143 «Kitajskij stol». Op. 491. D. 384. 1883-1906 gg.

ХРИСТОЛЮБОВА ЮЛИЯ СЕРГЕЕВНА – аспирант отдела Китая Института Востоковедения Российской академии наук (chizara30@gmail.com).

KHRISTOLYUBOVA, YULIA S. – Ph.D. student, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences.

УДК 94«72»:327.82«190/191»

ВАГНЕР И. ПЯТЬ УБИЙСТВ НА ПУТИ К КАТАСТРОФЕ: К ВОПРОСУ ОБ ИСТОКАХ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ¹

Ключевые слова: Первая мировая война, истоки мировой войны, политические убийства, блоковая политика, Антанта, Жозеф Кайо, Жан Жорес, Франц Фердинанд, Р. Пуанкаре.

Во второй части статьи, исследующей проблему истоков Первой мировой войны автор продолжает рассмотрение серии политических убийств, которые, по его мнению, сделали войну неизбежным результатом кризиса июля 1914 года. Предложена оригинальная концепция, в рамках которой внешнеполитические решения трактуются не как некие абстрактные государственные (национальные) интересы, а исключительно как продолжение борьбы вокруг базовых внутривнутриполитических задач. Ключевой вопрос при этом состоит в том, кто и что мотивировало принимавших решения лиц, которые предопределили определенный политический курс государств, конкретных политиков, делавших выбор между войной и миром. Автор показывает, что в правящей элите никогда не бывает консенсуса по вопросам, имеющим решающее значение. Итоговое решение всегда является некоей результирующей, в зависимости от текущих обстоятельств, прежде всего, от конкретного соотношения сил в определенный промежуток времени. При этом результирующая сила порой противопоставлена силе, представленной «официальными» интересами и мотивами. Во второй части статьи освещаются события, связанные с убийствами в 1914 г. Франца Фердинанда и Жана Жореса, а также с «политическим убийством» лидера французских радикалов Жозефа Кайо, серьезно изменившие расстановку сил в предвоенной борьбе партий «мира» и «войны».

¹ Перевод статьи – Моше Бухман.